

Книга пахнет самоваром

Почему нужно читать роман Евгения Водолазкина «Авиатор»

Недавно вышел новый роман Евгения Водолазкина, «Авиатор», от которого многие читатели ждали того же, чего и от его получившего премию «Большая книга» романа «Лавр» — то есть прямого разговора о вере, о Промысле Божиим, о святости. Но разговор оказался не прямым. Это вовсе не роман-проповедь (как не был ею и «Лавр», что, впрочем, не все заметили). «Авиатор» — скорее роман-поиск, роман-исследование. Волнующие автора вопросы, несомненно, имеют духовное измерение, но вот так просто втиснуть их в дискурс разговора о Церкви не получится.

Сюжетная канва «Авиатора» довольно проста: во время сталинских репрессий в Соловецком лагере особого назначения действовала секретная научная лаборатория, занимающаяся крионикой (замораживанием живых организмов) — естественно, с целью последующей разморозки. Потому что товарищ Сталин решил подстраховаться: перед смертью его заморозят, а разморозят в далеком светлом будущем, когда уже научатся лечить неизлечимые болезни. Эксперименты, само собой, делают на заключенных, и никто из них, конечно, не верит в успех разморозки. Но герою романа, заключенному Иннокентию Платонову, повезло. Его обнаружили и сумели разморозить в 1999 году. И вот он, ровесник века, замороженный в 1932 году, приходит в себя спустя 67 лет, в Санкт-Петербурге. Вокруг новая жизнь, «лихие девяностые», и в эту новую жизнь хочешь не хочешь, а приходится войти, переосмысливая и собственную судьбу, и судьбу России.

Здесь нет типичных для фантастики приключений, а самое интересное, что происходит с Иннокентием Платоновым, происходит не в 1999 году, а в его «первой» жизни, в его воспоминаниях. Собственно, роман построен как последовательность дневниковых записей — сперва самого Платонова, потом они перемежаются с записями его лечащего врача Гейгера, ставшего своему пациенту близким другом, и девушки Насти — невесты, а затем и жены Платонова. Все трое героев, ведя эти записи, пытаются разобраться и в себе, и в окружающей действительности, и в русской истории. Причем записи переплетены таким образом, что повествование обретает многомерность, глубину. Говорится зачастую об одном и том же, но не просто с разных личностных позиций, а на

разном духовном уровне. Если Платонов — глубоко верующий православный христианин, то Гейгер — честный и добросовестный агностик, а Настя еще только делает первые шаги в христианской жизни.

Не имея целью написать полновесную рецензию, скажу лишь о том, как я понял стержневые авторские идеи.

Прежде всего, это обозначившаяся еще в «Лавре» идея условности, относительности времени. То, что мы привычно разделяем на прошлое, настоящее и будущее, на самом деле есть нечто единое, цельное. Понятно, что именно так воспринимает созданный Им мир Бог, Он — вне потока времени. Но и у человека подчас бывают такие моменты прозрения, когда он ощущает цельность бытия, ощущает, как все со всем связано, причем эти связи могут тянуться не только из прошлого в будущее, но и наоборот. Платонов, споря с Гейгером, говорит, что время — это последовательность событий. События же — это что-то большое, всем очевидное, вроде войны, революции, катастрофы. Но кроме «событий», есть еще и «явления». Шмель опустил на цветок, созрел крыжовник на кусте, солнце после грозы пробилось сквозь тучи... Вот такие явления — они вне времени, и, что самое важное, именно из них состоит основа жизни, благодаря их восприятию выстраивается основа человеческого духа. «Иннокентий сказал, — фиксирует в своих записях доктор Гейгер, — что его формировали не побои в лагере. Совсем другие вещи. Например, стрекотание кузнечика в Сиверской. Запах вскипевшего самовара».

Вторая стержневая идея — это осмысление случившейся с Россией катастрофы. По мысли Платонова (рискну предположить, что и по авторской), главная ее причина лежит не в политико-экономической плоскости. Просто долго, очень долго в людях накапливалось зло, и вот это внутреннее зло разных людей начало резонировать, усиливать друг друга. Когда этот резонанс достиг некоего критического уровня — рвануло. По сути, Водолазкин показывает метафизический механизм социальной катастрофы. Человек — существо общественное, причем не только на уровне политики и экономики. Между людьми есть взаимодействие и на духовном уровне, когда грехи одних побуждают грешить других. А потом количество переходит в качество. Впрочем, Платонов говорит и о резонансе

добра — но признает, что этот резонанс действует слабее. Собственно, здесь по-другому сформулированная святоотеческая мысль, что человеческая природа, искаженная прародительским грехом, стала удобопревратной к злу, что если все пустить на самотек, то человек непременно духовно деградирует, а поддержание себя на более или менее приемлемом нравственном уровне (не говоря уже о достижении святости) требует постоянных волевых усилий. Одним словом, падать проще, чем летать.

Иначе говоря, считать, что внешние условия жизни играют решающую роль в происходящем — это ставить телегу впереди лошади.

Внешние условия, конечно, играют роль, но они — лишь формы, в которых проявляется внутреннее человеческое содержание — и доброе, и злое. Грубо говоря, не крепостное право и отсталость — причина революции, а накопившиеся и взаимодействующие друг с другом человеческие гадости проявлялись и в крепостном праве, и в отсталости, и в революционных потрясениях. Внутреннее зло всегда найдет себе дорогу вовне. Не одни форматы, так другие.

Отсюда, кстати, вытекает и третья стержневая идея — бессмысленность обиды на власть и тем более бессмысленность мести негодяям. Платонов, пройдя все круги ада в соловецком лагере, не испытывает никаких иллюзий по поводу советской власти, он видит запредельное зло, имеющее inferнальное происхождение. Он не считает (в отличие, например, от наших неосталинистов), что зло было необходимо, что из такого зла рано или поздно вырастет добро. И потакать злу, соглашаться со злом, благословлять зло он не намерен.

Однако он понимает, что это зло не с Марса к нам прилетело, что оно вызревало столетиями в человеческих душах, и потому никаким кавалерийским наскоком с ним не сладить. Власть подлая, бесчеловечная, жестокая? Да, верно. Но какой смысл этому ужасаться? Да, не роза, а сорняк — но вырос он на изливающимся из миллионов душ навозе. И если сорняк просто взять и вырвать (предположим, что это технически возможно), на этой почве тут же вырастет то же самое. От перемены мест сталиных сумма не меняется. Чтобы стало лучше, надо менять почву, и никакого другого способа ее поменять, кроме «резонанса добра», не просматривается. А чтобы этот резонанс произошел, необходимо самому оставаться человеком, даже находясь в бесчеловечных обстоятельствах. Может быть, этого условия и недостаточно — однако оно необходимо.

Но определиться по отношению к власти Платонову все-таки проще, чем по отношению к совершенно конкретным негодяям — сядисту Воронину, стукачу Зарецкому. Платонов, при всей своей незлобивости и врожденной вере, не может их простить, его тянет к мести. Но ничего хорошего от такой мести не будет, и ему приходится это осознать.

Есть христианская максима — осуди грех, но прости грешника. Это легко сказать, если речь идет о каком-то постороннем грешнике, который где-то там сделал что-то, никак тебя не затрагивающее. А если он на твоих глазах изнасиловал знакомую тебе девушку? А если он оклеветал отца твоей возлюбленной? Тогда прощение — это подчас путь длиною в жизнь, до него еще надо дорасти, это высший пилотаж. Но первая, узловатая точка такого пути — запрет на мщение. Да, между отказом от мщения и прощением — огромное расстояние, и не всякий человек сумеет в итоге простить. Но, по крайней мере, можно запретить себе месть, запретить себе соблазн почувствовать себя «бичом Божиим». Иначе будет плохо, и не только тебе.

И последняя стержневая идея романа — хотя я бы поставил ее на первое место! — полученный в детстве заряд любви, доброты и красоты помогает человеку не сломаться в самых страшных обстоятельствах. У Иннокентия Платонова было счастливое детство, были любящие и понимающие его родители. Он рос, можно сказать, в тепличной обстановке. С точки зрения многих наших современников, это минус. Они уверены, что ребенка с младых ногтей нужно готовить к суровой прозе наших дней, закалять его всяческими трудностями и лишениями — лишь тогда он не сломается, выйдя из оранжереи детства на мороз взрослой жизни. Но бывает и наоборот. Именно опыт счастья, опыт любви и теплоты — удерживает от отчаяния, не дает сломаться. Все эти несущественные, с точки зрения прагматика, мелочи — стрекот кузнечика, запах самовара, мамина улыбка — окружают душу защитной броней. Эти явления помогают справиться с натиском событий. ♣

Виталий Каплан